

которых нефтяные компании, как они считают, выполняют навязанную им социальную функцию. Арктическая политика в отношении коренных народов все больше превращается в систему юридической защиты прав нефтедобывающих компаний. Нефтяники остаются выразителями "государственного интереса", аборигены – "государственно охраняемым памятником культуры". А в Интернете провозглашается миссия компании "ЛУКОЙЛ": "Мы созданы, чтобы энергию природных ресурсов обратить во благо человека, способствовать в регионах деятельности Компании долгосрочному экономическому росту, социальной стабильности, содействовать процветанию и прогрессу, обеспечивать сохранение благоприятной окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, обеспечить стабильный и долгосрочный рост бизнеса, трансформировать ЛУКОЙЛ в лидирующую мировую энергетическую компанию. Быть надежным поставщиком углеводородных ресурсов на глобальном рынке энергопотребления" (www.lukoil.ru).

Ситуация в ХМАО показывает, почему аборигены опасаются прихода нефтяников на их земли. Нефтедобыча не приводит к развитию аборигенного сообщества; в лучшем случае она ведет к консервации, в худшем – к ассимиляции. Именно поэтому, вероятно, те аборигены, которые сегодня успешно занимаются традиционным природопользованием, не хотят и боятся промышленного освоения на своих территориях, хотя некоторые и отмечают, что для развития материальной базы хозяйств они используют финансовые и материальные возможности, которые получают в рамках экономических соглашений от нефтяных компаний. Для Российской Федерации вопросы аборигенного соуправления ресурсами остаются актуальными и далекими от разрешения. Опыт взаимодействия между коренными народами и международными компаниями представляет для нас большой интерес, так как показывает, что даже одни и те же компании могут по-разному вести себя в зависимости от требований законодательства страны, где они работают, и уровня самоорганизации этих народов.

ЭО, 2008 г., № 3

© Т. П. Роон

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О САХАЛИНЕ И ЕГО ЖИТЕЛЯХ
В СВЕТЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ
ДОБЫЧИ УГЛЕВОДОРОДОВ НА ШЕЛЬФЕ
ОХОТСКОГО МОРЯ**

(к вопросу об этнологической экспертизе)

Из недавней истории. Промышленная добыча нефти на северо-востоке Сахалина началась в 1920-е годы. Развитие нефтяной отрасли в советское время оказало значительное влияние на экономику Сахалина, формирование постоянного населения на острове, в результате чего были образованы Ногликский и Охинский административный районы. В период социализма произошла своеобразная адаптация коренного населения к соседству с нефтегазовыми наземными объектами. В 1960–1980-е годы появились этнически смешанные крупные поселения, в которых жили рабочие – буровики, транспортники, обслуживающий персонал. Коренные народы подверглись значительному воздействию (Роон 1997, 2002). Изменения происходили в рамках колхозов и совхо-

зов: менялись системы рыболовства и оленеводства, резко сократился охотничий промысел. В результате развития промышленности увеличилась доля браков представителей коренных народов с приезжими, изменился быт; коренные северяне трудоспособных возрастов были вовлечены в различные сферы промышленности, в том числе нефтегазовой. Видимой стороной этих процессов стало сокращение площадей использования территорий традиционного природопользования представителями коренных общин – мест сбора ягод, охотничьих участков, оленьих пастбищ, на которых производилась разведка углеводородного сырья. Негативным фактором промышленного воздействия являлись поправа лесных угодий, снятие тонкого почвенного слоя на местах бурений и обустройства подъездных дорог, нефтяных вышек, резервуаров и трубопроводов. Другой бич – лесные пожары, возникающие в связи с климатическими аномалиями и по вине человека.

Все это изменило схему использования коренными общинами лесных ресурсов и животного мира. Так, в крупных пожарах 1989 и 1998 гг. были уничтожены огромные площади леса в Охинском, Ногликском и Тымовском районах. Деревья, кустарники, травы и почвенный слой выгорели на сотнях тысяч гектаров вокруг нерестовых рек и ручьев. После крупных пожаров местные жители стали отмечать, что лососи, заходящие на нерест в местные реки, качественно меняются (рыхлое мясо, нехарактерный резкий запах, уменьшение размеров рыбы). Наметилось сокращение уловов нелососевых рыб (наваги, корюшки и других) в заливах Ногликского района. По свидетельствам коренных жителей, эти процессы продолжаются.

Компенсации за изъятие пастбищ, которые платили "нефтяные" предприятия, направлялись на благоустройство и развитие социально-культурного быта селений. На эти деньги осуществлялось строительство жилых домов, бань, библиотек, домов культуры, детских садов, школ для оленеводов и рыбаков¹⁴.

События 1999–2004 гг. Новый этап развития нефтегазового комплекса начался в 1999 г. с приходом на о-в Сахалин международных корпораций и освоением шельфа Охотского моря. Проекты "Сахалин-1" (оператор – "Эксон нефтегаз ЛТД"), "Сахалин-2" (оператор – "Сахалин энерджи") начали строительство объектов наземной и морской инфраструктуры в Охинском и Ногликском районах. Жители Ногликского р-на связали экологические изменения с началом работы нефтедобывающей платформы проекта "Сахалин-2", установленной в Охотском море в 30 км от берега залива Пильтун.

Большинство сахалинцев озабочено воздействием проектов на социальную сферу и природу острова. Население Сахалина реально ощутило приход транснациональных компаний: возросли цены на рынке жилья, гостиничных услуг, на продукты питания. За короткий срок появилось большое количество казино, увеличилась сеть ресторанов.

Особо следует отметить появление новых рабочих мест и "альтернативного" рынка труда, высоких социальных стандартов, предлагаемых иностранными компаниями на этапе строительства (высокая оплата труда, социальные гарантии работникам и их семьям). В 1999–2004 гг. наблюдался отток отечественных специалистов из бюджетной сферы в иностранные компании и прибытие иностранных работников в область. К видимым положительным сторонам работы проектов в Сахалинской обл. относятся реконструкция аэропорта, больницы, строительство газотурбинной станции в Ногликском р-не, реконструкция автодорог, создание рабочих мест, строительство самого крупного в мире завода по сжижению газа и многое другое.

Экологические вопросы по проектам стали подниматься общественными организациями "Экологическая вахта Сахалина", партия "Зеленые". В г. Корсакове на юге острова была создана общественная организация "Знание – сила", активно выступающая с инициативой снижения воздействия на город стройки завода по сжижению природного газа в заливе Анива (Тимофеев 2005).

В 2001 г. активизировала работу Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Сахалинской обл. (далее – АКМНССО). На первом этапе это был поиск партнерских отношений с операторами проектов – компаниями "Эксон нефтегаз ЛТД" и "Сахалин энерджи" (консорциум фирм "Шелл", "Мицуи", "Мицубиси"). Так, было подписано заявление о взаимопомощи и сотрудничестве между АКМНССО и компанией "Эксон нефтегаз ЛТД". Ассоциация намеревалась заключить аналогичное соглашение с компанией "Сахалин энерджи", однако компания не пошла на этот шаг, мотивируя отказ тем, что АКМНССО не является полномочным представителем интересов всех коренных народов Сахалинской обл.

Президент ассоциации и районные представители коренных народов вошли в Координационный совет компании "Эксон нефтегаз ЛТД". Совет собирался дважды в год и определял благотворительные гранты на проекты поддержки национальных хозяйств, общественных организаций, в том числе ассоциации. В основном финансировались культурные, образовательные, детские проекты, единовременные закупки для хозяйственных нужд.

Компания "Сахалин энерджи" также учредила гранты для поддержки образовательных и культурных программ для народов Севера. АКМНССО неоднократно получала финансирование от компаний на проведение фестивалей, ремонт здания АКМНССО в Ногликах, оплату проезда северян для участия во всероссийских и областных мероприятиях (Пустовалова 2005; Отчет 2003: прилож. "Е").

В соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и операционной политикой Всемирного Банка и других международных финансовых организаций операторы проектов регулярно вели процедуры общественных слушаний по проектам во всех районах области, консультации с местным населением и коренными общинами по вопросам минимизации воздействия проектов на коренные общины. Эти процедуры были описаны в «Оценке воздействия на окружающую среду проекта "Сахалин-1" (ЕИА)» и в «Оценке воздействия на окружающую среду, социальную сферу и здоровье проекта "Сахалин-2" (ESHIA)»¹⁵. Процедуры общественных слушаний нефтегазовых проектов с участием местного и коренного населения в Сахалинской обл. проводились впервые. Это было совершенно новое явление. Поначалу люди не понимали, зачем их приглашали на собрания. Они высказывали недовольство в адрес иностранцев и властей, допустивших иностранные компании на остров.

Кроме того, компании впервые предприняли исследования социальной сферы Сахалинской обл. и отдельно коренных народов в связи с развитием проектов. Приглашали опытных зарубежных специалистов¹⁶, которые после консультаций с людьми, вникая в местные условия, описывали негативные и позитивные факторы воздействия проектов на местные сообщества.

Исследования коренных народов и их результаты по проекту "Сахалин-2". Компания "Сахалин энерджи" инициировала исследование воздействия проекта "Сахалин-2" на социальную сферу Сахалинской обл., в рамках которого выделила специальную программу в отношении коренных общин Сахалина. Автор участвовал в исследованиях по оценке воздействия проекта "Сахалин-2" на социальную сферу коренных народов в 2001–2004 гг. Исследования проводились под руководством менеджера компании с многолетним опытом работы в международных нефтяных проектах в разных странах мира¹⁷. Основные задачи исследования состояли в следующем:

- собрать материалы по социально-экономическим, культурным показателям жизни народов Севера Сахалина в советский и постсоветский периоды, исторические и статистические данные; комплектовать базовые данные о коренном населении острова, выявить районы проживания коренных общин, подверженных воздействию проекта; определить этническую, демографическую, гендерную, социальную, профессиональную структуры населения;

- выявить группы/семьи коренных народов, подверженные воздействию проекта, оценить степень воздействия проекта на жизнь и быт разных групп (долгосрочного, краткосрочного, прямого, косвенного); описать группы, подпадающие под прямое и косвенное воздействие на этапах строительства и эксплуатации;

- определить степень коммерческого и некоммерческого использования природных ресурсов в современной жизни коренных народов;

- осуществить картографирование мест добычи ресурсов (рыболовство, сбор дикоросов, охота лесная, морская и пр.);

- установить соотношение зависимости семей от добычи природных ресурсов (структура питания, количество заготовок, среднедушевое потребление, обеспеченность продуктами питания за счет природных ресурсов, за счет домашнего подсобного хозяйства, покупных);

- определить структуру доходов и расходов семей;

- описать вопросы трудовой занятости коренных народов;

- выявить вопросы заболеваемости, показатели здоровья и медицинского обслуживания;

- определить влияние проекта на коренные общины в ходе его реализации;

- консультироваться с населением и составить план мероприятий по минимизации воздействия проекта на жизнь людей;

- собрать народные знания и произошедшие за последние 15–20 лет изменения окружающей среды в районах проживания коренных народов;

- сделать сравнительный анализ базовых данных и данных последующего мониторинга по воздействию строительства на коренные общины, семьи;

- осуществлять мониторинг по использованию природных ресурсов дважды в год в период строительства.

В отечественных разработках нам не удалось найти методологии для того, чтобы исследовать воздействие проекта на общину и семью (родовое хозяйство). Для проведения исследований основой послужили операционные директивы Всемирного Банка. При выборе методологии исследований мы обратились к опыту Аляски – крупного нефтедобывающего региона США. За основу была взята анкета, разработанная для исследования использования природных ресурсов общинами коренных народов департаментом по природным ресурсам Аляски¹⁸. Анкета охватывала весь спектр поставленных задач.

Мы сохранили описательную социальную часть анкеты – полный список семьи с информацией о поле, возрасте, занятости, родственной принадлежности. Остальную часть анкеты адаптировали для сахалинских условий: разработали список промысловых рыб лососевых и нелососевых (сезонных), промысловых лесных и морских животных, растений; внесли местные районы промыслов (рыбных, охотничьих морских и лесных, места сбора дикоросов), календарь занятий, число улова в килограммах и штуках каждого вида рыбы, распоряжение уловом (в коммерческих целях, на продажу, для личного потребления), количество добытых животных на продажу и для личного потребления, количество заготовок дикоросов, огородных культур и многое другое. Эти сведения мы дополнили информацией обо всех источниках доходов и о расходах семьи, индивидуальном хозяйстве (движимой и недвижимой собственности, оружии и оружии, наличии сельхозугодий, огородов, продажи сувениров и пр.), а также вопросами о здоровье членов семьи. Анкета, рассчитанная на одно хозяйство/семью, заняла 25 страниц¹⁹. Опрос длился от 1,5 час. и более. Во время анкетирования параллельно производились картографирование и документирование мест промыслов.

Сбор материала начался в 2002 г. и продолжился в 2003–2004 г., так что результаты представлены в ежегодной динамике. Частично они опубликованы в отчете²⁰: в них определены основные общины коренных народов и местных сообществ, подверженные прямому воздействию проекта, собран обширный материал об их современной жизни. Боль-

шую часть полученных материалов о нелегальных уловах лососевых и запрещенных к промыслу рыб, нелегальной добычи животных, продаже на рынке икры и мяса, полученных от этого доходов и прочих деталях местной экономической жизни авторы отчета не публиковали, поскольку всем респондентам была гарантирована конфиденциальность²¹.

Это был первый опыт исследований воздействия проекта на социальную сферу коренного населения острова. В результате проведенного исследования (более 100 анкет, 30% охват коренного населения) были получены следующие основные результаты:

1. Косвенное негативное воздействие на социальную сферу коренных народов в основном происходит в Ногликском р-не. Именно там, на морском шельфе, в прибрежных районах развернуто большое строительство технологических комплексов и трубопроводов. Любое строительство разрушает природный ландшафт, распугивает зверей и птиц. Несмотря на то, что большинство строительных площадок находится на значительном удалении от селений, люди негативно и с болью воспринимают размах строек и изменений.

2. Большинство коренных живут в многонациональных селениях Ногликского р-на (села Вал, Ноглики, Катангли); несколько семей – в труднодоступных местах. Одинаковое воздействие проекта испытывают все члены местного сообщества независимо от национальной принадлежности. Так, наблюдалось увеличение движения машин и механизмов на дорогах местных селений, которые увеличили шум, запыленность воздуха летом, и создали определенные проблемы местным жителям.

3. В окрестностях с. Вал и пос. Ноглики построены временные лагеря, в которых проживают приезжие работники проектов. Это снизило создававшуюся напряженность с жильем для приезжих работников и местных жителей. Положительным моментом явилось создание новых рабочих мест для местных жителей, в том числе и для народов Севера. Некоторые представители народов Севера устроились работать в лагеря.

4. Строительные площадки располагаются вдали от постоянных поселений. Несколько нивхских семей живут поблизости от строительства трубопровода и других объектов, но не попадают в планы переселения. Эти случаи были описаны в исследованиях.

5. Трубопроводы и подъездные пути пересекают множество нерестовых рек и водотоков выше мест добычи рыбы в заливах. Загрязнение рек даже на короткое время строительства весьма заботит местные сообщества. Опасность загрязнения рек нефтепродуктами во время эксплуатации трубопровода является воздействием преимущественно психологического характера. В традициях коренного населения – нивхов, уильта, эвенков не допускается загрязнение рек и заливов, которые дают рыбу – один из основных продуктов их питания.

6. Часть нивхского и уильтинского населения Ногликского р-на получает пищу от природных ресурсов лишь на 35% и менее, некоторые семьи продают продукты рыболовства. Исключение составляют около 10–15 человек, круглогодично проживающих в маленьких селениях заливов Чайво, Ныйво, Набил, Луньский, пища которых на 70% и более состоит из диких природных ресурсов (рыба, морские животные, растения и ягоды). Важно признать, что структура питания коренных народов значительно изменилась за последние 150 лет, в рационе прочно утвердились рис, мука, хлеб, чай, сахар, овощи, фрукты и другие нетрадиционные продукты.

7. Проведенное картографирование использования природных ресурсов показало, что рыболовные угодья большинства жителей и родовых хозяйств поселений района находятся по большей части в заливах и на реках, в устье рек, на значительном удалении от строительных площадок и трубопроводов.

8. Отдельно следует выделить оленеводство Ногликского р-на. Выявлено прямое воздействие двух проектов на оленеводов кооператива "Валетта", которые использу-

ют весенние и летние пастбища в районах заливов Пильтун, Астох и Чайво, выпадающих в них рек и ручьев. Там и происходит основное строительство наземных объектов по проектам. Согласно примерной оценке автора, около 10% весенних пастбищ было изъято из оборота под строительство проектов. Компенсационные выплаты, осуществленные оператором проекта в районный бюджет, дошли до оленеводов в усеченном виде.

В рамках проекта "Сахалин-2" по выявленным в ходе исследований данным были разработаны рекомендации и с 2002 г. начались постоянные и регулярные консультации с оленеводами и коренными народами Севера Ногликского и Тымовского районов. Цель консультаций – в процессе обсуждений выработать программу мер, снижающих воздействие проекта на традиционную сферу хозяйственных занятий – домашнее оленеводство, доведение информации проекта до местного сообщества. Однако люди не понимали, что встречи представителей компании с ними в местном музее, школе, клубе носили характер консультаций. Поэтому были назначены представители компании в с. Вал и пос. Ноглики для постоянного контакта с населением, быстроты реагирования на замечания и озабоченности местных жителей и в первую очередь коренных народов.

Начало политических процессов. Несмотря на формирование позитивных отношений между АКМНССО и операторами проектов при распределении грантов и финансовой помощи между коренными общинами возникали напряженные отношения и межличностные конфликты. Лидеры ассоциации стали инициировать вопросы проведения этнологической экспертизы и выплаты компенсаций для народов Севера нефтяными компаниями. Основные претензии и требования состояли в следующем: а) нефтяными компаниями используются земли коренных народов ("они пришли на нашу землю"), б) на современное развитие коренных народов необходимы большие инвестиции, которые должны быть вложены операторами проектов.

В 2003–2004 г. состоялись два "круглых стола" с участием лидеров коренных народов, большого количества специалистов, чиновников областной администрации в сфере лесопользования, санитарных и природоохранных служб, операторов проектов, а также других нефтегазовых компаний. Лидеры ассоциации сформулировали основные предложения по развитию коренных народов: проведение этнологической экспертизы, выплата компенсаций и создание фонда развития коренных малочисленных народов от поступлений выплат от реализации проектов.

Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее – АКМНССиДВ РФ) в Москве провела выездное заседание Координационного совета, которое состоялось 8–10 июня 2004 г. в здании областной администрации в Южно-Сахалинске. В заседании принимали участие президент АКМНССиДВ РФ, вице-губернатор, лидеры районных общественных организаций народов Севера, депутаты областной Думы, представители других общественных организаций и компаний. В постановлении Координационного совета "О взаимодействии общественных организаций и органов власти Сахалинской области в решении проблем коренных малочисленных народов Севера" было зафиксировано "одобрить практику взаимодействия органов власти Сахалинской области в решении проблем коренных малочисленных народов Сахалинской области. Признать целесообразным изучение и распространение такого опыта в других регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока"²². В другом проекте постановления совета "О соблюдении прав и интересов коренных малочисленных народов Севера при разработке нефтяных и газовых месторождений о. Сахалин" были записаны следующие пункты: "Отметить положительную тенденцию установления и развития сотрудничества Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области и компании "Эксон Нефтегаз Лимитед" на основе подписанного между ними соглашения, опирающегося на принятую международную практику взаимоотношений ресурсодобывающих компаний и коренных ма-

лочисленных народов, призванной обеспечить соблюдение законных прав и интересов коренных народов", "требовать от нефтяных компаний проведения этноэкологической экспертизы действующих и предлагаемых проектов по разведке и добыче нефти и газа на шельфе о.Сахалин на предмет их возможного воздействия на среду обитания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области с обязательным участием в экспертизе коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области"²³.

Вместе с тем на этом мероприятии был выявлен раскол в движении коренных народов Сахалина – четверо лидеров местных районных организаций высказали недоверие областной администрации в лице специалиста по работе с народами Севера и областной Ассоциации КМНС и ее президенту. Они распространили на совете обращение к губернатору Сахалинской обл., членам Координационного совета АКМНССиДВ РФ и Консультативного совета по делам КМНС при представителе президента РФ в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО) с их видением ситуации и требованием сместить лидера АКМНССО и провести ревизию ее финансово-хозяйственной деятельности. Все же на заседании это обращение никто из оппозиции не упомянул. Напряженность внутри общественного движения лидер АКМНССО при поддержке отдела по работе с КМНС областной администрации искусно перевел в плоскость борьбы с транснациональными компаниями. На съезде КМНС Сахалинской обл., состоявшемся в конце октября 2004 г., был избран новый представитель коренных народов при Сахалинской областной Думе, жительница с. Москальво Охинского р-на Е. Королева. Вне повестки дня съезда было принято решение о бессрочной акции протеста против нефтяных компаний с 20 декабря, поставлены вопросы об этнологической экспертизе проектов и создания фонда КМНС.

Акции протеста "Зеленая волна". Углублению конфликта содействовали и другие политические силы. Так, еще в апреле 2004 г. в Южно-Сахалинске состоялась конференция "Развитие нефтегазового комплекса Сахалина: инвестиции, экология, люди", организованная сахалинским региональным отделением российской экологической партии "Зеленые". В резолюции конференции были записаны рекомендации о проведении этнологической экспертизы в отношении коренных народов. Затем к процессу присоединились общественная организация "Экологическая вахта Сахалина" и региональное отделение ЛДПР.

В декабре 2004 г. появилось заявление с перечислением экологических проблем и требованием "проведения этнологической экспертизы, которая должна выявить степень негативного воздействия шельфовых проектов на условия жизни коренных народов и создания фонда, из которого будет финансироваться комплекс мер, предложенных экспертами" (Бугаев 2005).

К этому времени деятельность сахалинской ассоциации КМНС была приостановлена органами юстиции за грубые нарушения финансово-хозяйственной деятельности и российского законодательства. Одновременно с этим специалисты АКМНССиДВ РФ постоянно консультировали лидеров региональной ассоциации. Акцию протеста перенесли на 20 января 2005 г. в связи с необходимостью более тщательной подготовки. Необходимо было обеспечить пикетчиков палатками, продуктами питания, теплой одеждой, разработать план расстановки людей и другие вопросы. Информационное агентство "Острова" распространило информацию о подготовке акции. "Представители компаний имеют возможность до 15 января ознакомиться с проектом меморандума, предложенного им для подписания 15 декабря членом постоянного форума по правам коренных народов ООН П. Суляндзигой, и принять соответствующее решение. Главное положение меморандума и требование пикетчиков – проведение недропользователями в первом квартале 2005 г. комплексной этнологической экспертизы для оценки негативного воздействия промышленных программ на традиционное природопользование и хозяйственную деятельность коренных жителей Сахалина"²⁴.

30 декабря 2004 г. последовало обращение президента АКМНССиДВ РФ к губернатору Сахалинской обл., в котором говорилось, что "транснациональными компаниями, ведущими добычу нефти и газа на шельфе Охотского моря... грубо попираются российские законы и международные принципы и нормы в отношении коренных народов Сахалинской области и охраны окружающей среды" (Губернские 2005). В пресс-релизе сахалинского отделения партии "Зеленые" указывалось, что "президент АКМНССиДВ РФ обратился к международным общественным экологическим организациям и организациям по защите прав" (Там же).

В ответ на это обращение вице-губернатор области направил письмо президенту АКМНССиДВ РФ, и в газете "Губернские ведомости" было опубликовано письмо за подписью управления пресс-службы и информации областной администрации, в котором выражалось недоумение высказываниями лидеров ассоциации о "попирании законодательства" и резким изменением ее позиции по сравнению с июньскими заявлениями. Отмечалось также, что в области "при активном участии администрации и в рамках наших совместных июньских договоренностей идет организация постоянного многостороннего диалога представителей коренных народов Севера, государственных органов и компаний, занятых разведкой и добычей нефти и газа на шельфе о. Сахалин. Кроме этого, нам непонятно что же именно послужило причиной столь значительного изменения позиции Ассоциации по вопросам развития коренных малочисленных народов Севера области за последние шесть месяцев" (Там же). Очередная встреча с лидерами сахалинской ассоциации, представителями компаний состоялась 15 декабря 2004 г. в областной Думе, на которой так и не были сформулированы конкретные претензии к компаниям.

Вместе с тем компании обратились с ответным заявлением в органы областной власти по поводу акции и обстоятельно сформулировали свои позиции в соблюдении российского законодательства, подписанных соглашений и международных требований, полученных разрешений и технических заданий, в которых включена оценка воздействия на социальную сферу коренных малочисленных народов. В заявлении подчеркивалось, что отсутствует юридическая база, на основании которой компании обязаны проводить этнологическую экспертизу, нет информации о ее процедуре и юридическом статусе как основания для выплаты компенсаций. Отмечалось, что компании финансируют благотворительные программы для народов Севера. Авторы обращения выразили пожелание решать проблемные вопросы с действительным представительным органом коренных народов на основе трехстороннего диалога с привлечением государственных органов (Пустовалова 2004).

Развитие событий транслировалось местными средствами массовой информации. Администрация и Дума Сахалинской обл. предприняли шаги к урегулированию ситуации. 18 января 2005 г. было подписано соглашение "О сотрудничестве в области социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области" между представителями коренных народов Сахалина – делегатами V съезда КМНС области, администрацией и четырьмя компаниями. Однако лидеры сахалинской ассоциации не подписали документ. Согласно информации акции "Зеленая волна" для СМИ, распространенной уже на следующий день, отмечалось, что "экспертная группа" пришла к выводу: документ не содержит конкретных подходов и является "декларацией о намерениях". Состояние политического "тупика" породило недоумение у представителей компаний, с одной стороны, и неоправданные ожидания у местных жителей, с другой.

15 января 2005 г. в пос. Ноглики состоялось заседание штаба "Зеленой волны". Акция протеста коренных народов прошла 20–22 января в Ногликском р-не. В ней приняли участие, по разным данным, от 100 человек и более, представители северных районов острова. Группы собрались на старой ритуальной площадке для убийства мед-

ведя у с. Вени и ожидали прибытия представителей компаний для переговоров. В последующие дни они блокировали подъездные дороги к строительным площадкам.

Результаты политической акции подстегнули наметившийся процесс размежевания в движении коренных народов острова, так как не все народы Севера острова были согласны с такой постановкой вопросов. В обращении представителя КМНС при Сахалинской областной Думе Е. Королевой к коренным народам Сахалина говорилось: «За короткий период февраля 2005 г. созданы два союза: Союз коренных народов Сахалина как региональное общественное движение и Союз коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области. Сегодня в угоду политическим амбициям "лидеров" Союзов идет раздрай в умах и сердцах людей, их используют в качестве движущей силы при выборах на съезды... Проблема создания регионального Союза этносов зрела давно, и прикрывать ее только организацией борьбы с нефтяными компаниями за Компенсационный фонд развития – политическая ширма. Гораздо правильнее признать управленческие просчеты молодого президента Ассоциации, членов координационного совета, которые и привели к тихой смерти региональной общественной организации коренных жителей. С тревогой думая о будущем наших поколений, призываю вас сесть за стол переговоров, найти язык взаимопонимания, создать единый Союз этносов Сахалина на едином учредительном съезде. Давайте искать пути решения наших проблем, обсуждать программы социально-экономического развития и участвовать в их реализации, создавать советы уполномоченных представителей при органах гос. власти и местного самоуправления, вести диалог с нефтяными компаниями, взаимодействовать с различными общественными партиями и организациями» (Королева 2005).

На съезде коренных народов Сахалина в марте 2005 г., который финансировали нефтяные компании, были избраны представители коренных народов в новый орган коренных народов области – Региональный совет уполномоченных представителей КМНС Сахалинской обл. В его состав вошли и бывшие лидеры сахалинской ассоциации. Возобновился трехсторонний диалог с привлечением администрации и компаний. Компания "Сахалин энерджи" совместно с Советом уполномоченных представителей занялась разработкой долговременного "Плана содействия развитию коренных народов Севера" на 5, 10, 15 лет при постоянных консультациях (Сергеева 2005). В июне 2005 г. отмечалась новая попытка возобновить блокирование дорог к объектам нефтяных строек, которая получила отрицательную оценку, поскольку противоречила духу достигнутых договоренностей по "Плану содействия..." (Пустовалова 2005)²⁵.

Дискуссия. Глобализация, все сильнее влияющая на экономику Российского государства, его регионы и народы, ускорила социально-политические процессы в местном сообществе. На дальнем острове России за тысячи километров от признанных политических центров формируются новые общественные тенденции, которые необходимо изучать. В данном контексте для моего исследования интересно несколько тем, связанных с ускорением социально-экономического развития коренных народов севера Сахалина.

Сосредоточусь на анализе одного из главных пунктов требований коренных народов – "этнологической экспертизе". Этот термин есть в Федеральном законе "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" № 82-ФЗ от 30 апреля 1999 г. В статье "Основные понятия" дано определение "этнологической экспертизы": "научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса"²⁶.

В постсоветский период стали доступны методологии зарубежных ученых и появилось много работ отечественных исследователей в области прикладной социальной антропологии. В интерпретации российских авторов термин получил различия в толкованиях: "этнолого-правовая экспертиза" (Кочетыгова 2002: 222), "этноэкологическая экспертиза" (Степанов 2002), "социально-этнологическая экспертиза" (Ямсков

2002). Очевидно, что терминология далека от единообразия, а отсутствие единого толкования приводит к путанице и смысловому разнобою. Термин "этнологическая экспертиза" – чисто научный и непонятен политикам и населению.

Международный опыт в сфере исследований воздействия индустриальных проектов на местные сообщества заслуживает не просто рассмотрения, но активного использования. Российские ученые отмечают большую роль экспертов Всемирного Банка в разработке методов и процедур современных прикладных этнологических исследований (Там же). Мы также обратились к зарубежному опыту в своих исследованиях и считаем свой опыт ценным. Зарубежные эксперты все же более конкретны в своих рекомендациях и выводах. Они выработали единый термин для процесса исследований – Social Impact Assessment – "оценка воздействия на социальную сферу". Причем данный термин и процедура применимы к исследованию воздействия проекта на все местное сообщество, которое сложилось к моменту проведения проектно-изыскательских работ, включая коренные народы и поздних мигрантов. В полиэтничных государствах и регионах это крайне важно, так как разные типы воздействия положительного/негативного, прямого/косвенного наблюдаются во многих сферах регионального общества, даже если само строительство проходит далеко в труднодоступной и не посещаемой людьми местности.

Не могу согласиться с мнением, что "этнологическая экспертиза" есть "функциональный аналог" термину "social assessment" (Там же: 279). Значение слова "assessment" – оценка, мнение, суждение (БАР 1979: 105). Принципиальное отличие англоязычного термина от российской терминологии – предельная ясность и конкретность.

В настоящее время в российской науке наблюдается нехватка новых подходов к исследованию процессов промышленного воздействия на социальную сферу местных сообществ. В 2002 г. была предпринята попытка проведения этнологической экспертизы на Ямале (Опыт 2002). Однако при ближайшем знакомстве материалы экспертизы выглядят не вполне объективно: авторы ссылались на современные исследования оленеводов японского ученого Ёсида Ацуси, использовали официальные статистические материалы, интервью у 21 респондента (руководители, специалисты и общественные деятели). В распоряжении исследователей не было современных полевых материалов, собранных в разных социальных слоях, данных последующего мониторинга и сравнительного анализа действительной (вне статистической) ситуации в регионе. После знакомства с документом вопросы методологии проведения экспертизы остались без ответа. Но именно к этому документу в первую очередь и апеллируют не только ученые – консультанты Ассоциации КМНССиДВ, но и лидеры местной ассоциации коренных народов.

Понятно, что прецедентов проведения подобной экспертизы на основе новых методик в нашей стране еще не было и на российской "почве" методика не отработана. Это усугубляется тем, что терминология весьма запутана. Лидеры местных отделений политических партий и общественных организаций, не имея специального образования, воспринимают научные толкования на веру. Такие идеи быстро подхватываются политиками и распространяются в местных сообществах. В большинстве случаев люди не понимают сути процесса и методов исследования, ограничений в реальных возможностях исследования и его интерпретации. Отсюда возникает конфликт между неоправданными ожиданиями местного сообщества и реальной ситуацией. Неоправданные ожидания людей перерастают в социальную напряженность.

Например, зафиксированная устная информация о сокращении вылова рыбы не подтвердилась проведенным анкетированием, основанным на точных ответах респондентов о количестве пойманной рыбы разных видов²⁷. Разрешенные и даже нелегальные уловы населения были практически стабильны в течение трех лет. Не зафиксировано влияние строительных работ по проектам на изменение структуры питания, снижения доходов и прочего, связанного с уловом рыбы. Экологические, ихтиологи-

ческие и химические исследования (воды, качества мяса рыб и пр.) такой вид экспертизы не содержат. Сама этнологическая экспертиза, проводимая в настоящее время, не фиксирует свидетельство "изменения исконной среды обитания".

Известно, что добыча и потребление рыбы – важный фактор жизни коренных народов и поздних мигрантов из местного населения, многие десятилетия живущих в одних селениях. И мнение людей сформировано таким образом, что они верят – этнологическая экспертиза должна доказать сокращение численности рыбы (изменения среды обитания), ее "зараженность" от "шельфовых проектов" и сделать вывод о необходимости выплаты компенсаций коренным народам за этот ущерб. Понятно, что этнологическая экспертиза не может стать панацеей.

Воздействие "нефтяных проектов" на социальную сферу местных сообществ – это новая тема исследования для российских ученых. Аналитические разработки не коснулись новых теоретических направлений "этнологии современности" в развитии парадигмы "методология – научный анализ – теория". Неопределенность в объекте и методологии исследования, разница в подходах и интерпретации результатов выразились в разнице трактовки терминов не только среди ученых. Ситуация методологического кризиса в российской этнологической науке сказывается на современной законодательной базе. Федеральные законы в отношении коренных народов неполны, поэтому продолжают попытки восполнить пробелы на региональном уровне. В отдельных регионах это получается, но в Сахалинской обл. по многим причинам формирование законов почти заморожено. В научных изданиях также нет широкой дискуссии по данным проблемам (*Новикова* 2003: 136–137; *Павлов* 2003: 217–219). Вовлекать в научные дискуссии неподготовленные сообщества, жизнь которых последние 15 лет проходит в социально-экономическом стрессе, по нашему мнению, не вполне этично. Задача прикладной общественной науки совершенствовать не только методы исследования современных социальных процессов, но и предлагать совершенствовать государственные законы совместно с представителями коренных народов. Пробелы в законодательстве используются не в созидательных целях.

Интеграция России в мировое сообщество – это данность, один из факторов современного развития отечественной науки, в том числе и в вопросах методологии исследований, тематики и терминологии. Вопрос о соответствии законодательной и научной терминологии, как оказалось, очень важен. Как было упомянуто выше, в советскую эпоху произошли серьезные изменения как исконной среды обитания, так и социально-культурной и экономической ситуации в сообществах коренных народов.

Вопросы регулирования права коренных общин и природных ресурсов давно обсуждаются авторами и в разных странах решаются по-разному (*Бенда-Бекманн* 2002: 100–105). Если в действующем законе "Об объектах..." подробно прописан механизм проведения историко-культурной экспертизы (Об объектах... 2002), возможные последствия его нарушения, то аналогичного закона об этнологической экспертизе, а лучше сказать – об исследовании воздействия на социальную среду, где бы были прописаны методологические подходы, правовые основы, регулирующие действия исследователя, общественных организаций и многие другие важные вопросы, на сегодняшний день нет. Поэтому любое исследование остается частным мнением и лидер местной общественной организации может высказать недоверие исследованию, если в нем не будет отражено то, что желает видеть данный лидер или общественная организация.

Накопленные десятилетиями социально-экономические проблемы коренных народов невозможно разрешить выплатой компенсаций за использование земель или тем более шельфовой зоны моря, которые не находятся в собственности у семьи или общины коренных народов, а являются государственной собственностью. Без подробных экологических исследований невозможно оценивать изменения окружающей природной среды. И эти пробелы законодательства не принимаются во внимание простыми людьми, им об этом даже неизвестно. Такое понятие, как "экологический мо-

иторинг биоресурсов и вод промышленной зоны шельфа", основанный на сложных биохимических исследованиях и постоянном мониторинге не только разноглубинных вод, но и всей биоты, вообще не существует в современной практике и в законодательной базе страны. А это, пожалуй, самое важное сегодня для Сахалина, поскольку готовятся к реализации проекты добычи углеводородов на шельфе Охотского моря по всему периметру острова. По мнению автора, сегодня нужна прежде всего и именно такая, эколого-социальная экспертиза.

Важный вывод, основанный на полевых исследованиях автора, состоит в том, что местные администрации не вполне адекватно реагируют на социально-экономические процессы на вверенных им в управление территориях. Унаследовав шлейф проблем постсоветского периода, региональные власти не были готовы разрабатывать социально-экономические программы и работать с местным населением по их реализации. Принцип "демократического централизма" ушел в прошлое, а новый принцип демократического открытого обсуждения насущных нужд коренных общин только внедряется в практику. Именно поэтому опыт переговоров и дискуссий коренных народов с транснациональными компаниями стал важным уроком для всех сторон.

Представители молодого поколения коренных народов осваивают новые профессии и рабочие места в нефтегазовых проектах. Возросла политическая активность народов Севера и появились ее новые формы. Люди стали более ответственны за сохранение окружающей среды, за судьбу своих общин и будущее детей. Они в полной мере интегрированы в современное общество. В то же время, к сожалению, ощутим раскол внутри сообщества коренных народов, фракционность и клановая приверженность, которая пролегает по границам административных районов.

Важным достижением является установление диалога между властями, компаниями и северянами. Реализация плана содействия развитию КМНС Сахалина в рамках проекта "Сахалин-2" – еще один шаг к сотрудничеству. Сближение позиций государства, общества и коренных народов – дело ближайшего будущего.

ЭО, 2008 г., № 3

© Г. Л. Гулдин

АНТРОПОЛОГИ КАК КУЛЬТУРНЫЕ БРОКЕРЫ: ПРИМЕР САХАЛИНА

За последнее десятилетие международные финансовые организации (МФО) и прочие агентства, поддерживающие основные проекты развития, решили привлекать для консультаций знакомых с местными реалиями представителей социальных наук на этапе проектирования и в особенности для преодоления сопротивления на местах и других подобных угроз "успеху" проекта. Какова же должна быть роль ученых в таких процессах? Как следует вести себя антропологам и этнологам – тем представителям социальных наук, чье знание культур и языков "местных" народов, как правило, превосходит знание прочих гуманитариев – в их посредничестве между корпоративными и институциональными бюрократиями, с одной стороны, и проблемами тех людей, которые эти проекты непосредственно затрагивают, с другой?